

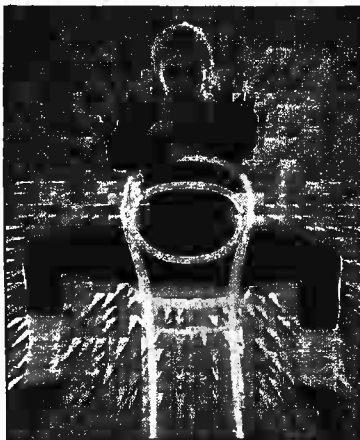
Москва
Театр
"Русский
балет"

Пар-рад, алле!

Сегодня. - 1995. -
25 мая. - с. 10

В Большом театре состоялся вечер Московского государственного театра «Русский балет»: «пятнадцатилетие рождения идеи создания коллектива». То, что в таком месте отмечали такой юбилей такой группы — свидетельство незаурядного организаторского дара ее хозяина Вячеслава Гордеева. Что, впрочем, признано на правительственном уровне: Вячеслава Михайловича назначили художественным руководителем балета ГАБТа. Вечеру предшествовала пресс-конференция, на которой Гордеев отметил трудовой энтузиазм своих артистов, выражающийся в пренебрежении гонорарами и собственным здоровьем, а также железную дисциплину.

Следы строевой подготовки явственно проступали за суровой четкостью сценических перемещений кордебалета; натянутые улыбки и сковывающая боязнь оплошности выдавали подне-

вольность премьеров и прим. Толику человечности вносила нечетливая ностальгическая нота, прозвучавшая, скорее всего, непреднамеренно: женщины-солистки с томно выгнутыми подъемами, с пластилиновыми иксowymi ногами, расшатанным неспешным вращением, безразмерным шагом и стелющимся над планшето прыжком (отличительными особенностями пермской школы) — являлись бледными, слегка пародийными оттясками прославившей Пермь Надежды Павловой; а мужчины,

разрывающие ноги в *jete en tournant* и отчаянно накручивающие пируэты, в качестве образца для подражания явно ориентировались на своего худрука.

Программа была выстроена в соответствии с конъюнктурой: золотился богатый классицистский задник а ля Гонзаго — с пантеоном, балюстрадой, колоннами и прочими атрибутами архитектурных декораций. Что-то тактично ветвилось по кулисам, добротностью веяло от костюмов. Давали так называемую забытую классику: урезанный до неузнаваемости «Танец часов» из оперы «Джоконда» и «Карнавал в Венеции» — оба фрагмента приписаны Мариусу Петипа; незабвенное и неперенное па-де-де из «Дон Кихота» Александра Горского, а также советские жемчужины — па-де-де из «Шелкунчика» Василия Вайнонена и «Вальпургиеву ночь» Леонида Лавровского. Основной рыночной ценностью, как известно, являются трюки, и канонические тексты были утыканы ими, как слоба изюмом в застойные годы. Увы, труппе явно не хватало отечественных виртуозов обоего пола. На грани срыва, безрадостно и грязновато сыпались двойные *saut de basque* и *assemble*, поршнем ходили ноги в кабриолях, смазывались и вязли стаккато мелкой техники. Благодаря неоспоримому трюковому превосходству лидерами «Русского балета» оказались монгол Бат Удвал и японец Морихиро Ивата, прыгавшие и крутившие лихо и азартно.

Второе отделение посвящалось творчеству Вячеслава Гордеева, позволившему «5-й сонате» Баха — Бежара предварить собственные балетмейстерские фантазии, впрочем, тоже чрезвычайно классические — на музыку Моцарта, Генделя и общего любимца Пьяццоллы. Интерпретация оказалась важнее текста: в исполнении Екатерины Тумановой и Гордеева Бежар распался на поэзы-переходы и показался простым советским классиком-семидесятником; а собственная хореография юбиляра — подлинной антологией общих мест, тем и приемов того же периода. С эротическими вольностями типа запрыгиваний партнеру пониже талии, лирическими возлжаниями на полу с переплетением ног, акробатикой поддержек, евангельской символикой и неперенной актерской наполненностью.

В финале под цирковую коду из «Пахиты» труппа лепила кто что может, и даже умельцы из кордебалета отваживались чесать *entrechat-six*. Искренен был энтузиазм публики, обилень дождь цветов, отраден факт существования «Русского балета». Есть шанс, что для удовлетворения балетмейстерских и художественных амбиций Вячеславу Гордееву хватит собственного коллектива, а треклятый, поносимый, разболтанный ГАБТ все же не выстроится в шеренгу по команде «Равняйся! Смирно!» наподобие любимого детища вездесущего худрука.